

© 2021 А. В. Святославский

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

Образы природы в русской одической поэзии XVIII — начала XIX вв.: функциональные особенности и значение для литературного процесса

Аннотация: Статья посвящена функциональным особенностям образов природы в формировании художественного мира русской одической поэзии XVIII – начала XIX вв. Рассмотрены примеры из одической поэзии М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, П. А. Сумарокова, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, Д. И. Хвостова. При этом делается попытка ответить на два вопроса: какое место образы природы занимали в одической поэзии в эпоху ее расцвета и можно ли, вопреки сложившемуся позднее в истории отечественной литературы снисходительному отношению к поэзии классицизма, найти в ней то, что составило органическую часть отечественной классики XIX и XX вв. Показана функциональная роль образов природы в одическом жанре, который, по определению, чужд природной тематике, будучи органически связан с пафосом гражданственности и обращением к темам героики, великих личностей, исторических событий. Однако в ряде случаев сами объекты природы вызывают восхищение поэта как впечатляющее создание Творца, в других ситуациях природа являет собою фон, который определенным образом оттеняет и усиливает остроту восприятия исторических событий, составляющих предмет одической поэзии. В статье делается вывод об определенной преемственности в изображении природы: от одической поэзии к отечественной лирике и прозе XIX и XX вв.

Ключевые слова: поэзия природы, ода, классицизм, М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, Г. Р. Державин, Д. И. Хвостов.

Информация об авторе: Алексей Владимирович Святославский, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры русской классической литературы, Институт филологии Московского педагогического государственного университета, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>

E-mail: platoacademia@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 17.01.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 22.03.2021

Дата публикации статьи: 28.06.2021

Для цитирования: Святославский А. В. Образы природы в русской одической поэзии XVIII — начала XIX вв.: функциональные особенности и значение для дальнейшего литературного процесса // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 40–61. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-40-61>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 21, 2021, pp. 40–61. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 40–61. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Alexey V. Svyatoslavsky
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia

Nature Images in Russian Odic Poetry of the 18th — Early 19th Centuries: Functional Role and Influence on the Further Literary Process

Abstract: The article is devoted to the functional role of nature images in the formation of the imaginary structure of Russian odic poetry of the 18th — early 19th centuries. Examples are taken from the odic poetry of Mikhail Lomonosov, Vasily Trediakovsky, Alexander Sumarokov, Mikhail Kheraskov, Gavrila Derzhavin, Dmitry Khvostov. An attempt was undertaken to answer two questions: the place nature images occupied in odic poetry in the era of its pride and, secondly, the possibility to find in the poetry of classicism, despite the condescending attitude towards it that developed later in the history of Russian literature, something that constituted an organic part of the Russian classics of the 19th and 20th centuries. The functional role of nature images in the odic genre is shown, which, as it seemed, by definition is alien to natural themes, being organically connected with the pathos of civic consciousness and the appeal to the themes of heroism, great personalities, and historical events. However, as it turns out in a number of cases, the very objects of nature evoke the poet's admiration as an impressive work of the Creator, in others, nature is a background that in a certain way enhances the impression of the very historical events that constitute the subject of odic poetry. The conclusion is made about a certain continuity in the depiction of nature — from odic poetry to Russian lyric poetry and prose of the 19th and 20th centuries.

Keywords: Poetry of nature, ode, classicism, Michael Lomonosov, Vasily Trediakovsky, Alexander Sumarokov, Michael Kheraskov, Gabriel Derzhavin, Dmitry Khvostov.

Information about the author: Alexey V. Svyatoslavsky, DSc in Cultural Research, Professor, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya St., 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>

E-mail: platoacademia@yandex.ru

Received: January 23, 2021

Approved after reviewing: March 16, 2021

Published: June 28, 2021

For citation: Svyatoslavsky, A. V. "Nature Images in Russian Odic Poetry of the 18th — Early 19th Centuries: Functional Role and Influence on the Further Literary Process." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 2, 2021, pp. 40–61. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-40-61>

С наступлением «золотого века» русской литературы образы природы прочно заняли свое место в эпической прозе и в лирике как неотъемлемый компонент отражения мировосприятия автора. С юных лет читатели знакомятся с замечательными зарисовками родной земли в лирике А. С. Пушкина, в его романе «Евгений Онегин», сюжет, проблематика и коллизии которого, казалось бы, никак напрямую не связаны с темой природы. Но «Евгений Онегин» создавался уже тогда, когда литературные каноны, привычки, традиции XVIII в. уходили все дальше. В целом и для самого А. С. Пушкина характерно отчасти скептическое отношение к прошедшей эпохе: наряду с признательностью к Г. Р. Державину, Пушкин скептически настроен по отношению к творчеству А. П. Сумарокова, видит в нем немало архаичного, известно также его ироническое отношение к Дмитрию Хвостову как к графоману, одержимому манией публичного чтения своих стихов. Пушкин даже написал «Оду его сиятельству графу Хвостову», где пародировал выпяченный стиль автора. Анализируя указанное произведение, Ю. Н. Тынянов пришел к выводу, что оно явилось «полемическим ответом воскресителям оды, причем пародия на старинных одописцев явилась лишь рамкою для полемической пародии на современного воскресителя старой оды Кюхельбекера и на защитника новой оды Рылеева» [Тынянов 1968: 115]. В ранней лирике Пушкина не могло не ощущаться влияние поэзии предшествующей эпохи, более того, поэт и позднее обращался к торжественному одическому стилю, когда считал это оправданным, как например, в адресованном Н. Б. Юсупову послании «К вельможе», написанном в 1830 г. Очевидно, что эволюция русского стихосложения к началу XIX в. была закономерной, органически выростала из того, что было сделано предшественниками, а Пушкину суждено было открыть путь к полной реализации возможностей русского языка в поэзии.

Пушкинское мнение о Сумарокове известно, в частности, из послания «К Жуковскому» (1816):

Но кто другой, в дыму безумного куренья,
 Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
 Торжественной хвалы к нему несется шум:
 Он, он под рифмою попрал и вкус и ум;
 Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
 Завистливый гордец, холодный Сумароков,
 Без силы, без огня, с посредственным умом,
 Предрассуждениям обязанный венцом
 И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
 Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
 Ему ль оспаривать тот лавровый венец,
 В котором возблистал бессмертный наш певец,
 Веселье россиян, полунощное диво?.. [Пушкин 1936. 1: 160].

Здесь Сумароков противопоставлен М. В. Ломоносову, по-видимому, в аспекте известной литературной дискуссии о правилах стихотворства, столкнувшей В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова в 1740-х гг. Под «исполином» имеется в виду Ломоносов, хотя известно, что и о нем Пушкин оставил не только восторженные строки как об ученом («сам был первым университетом»), но также достаточно прохладный отзыв как о поэте. О поэтах XVIII в. Пушкин размышляет, в частности, в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1834), где пишет: «В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты <...>. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым» [Пушкин 1936. 5: 362]. Общий же вывод Пушкина в рассуждении о поэтах ушедшего века сделан в пользу В. К. Тредиаковского, в котором Пушкину нравится «обширнейшее» понятие о русском стихосложении, отсутствующее у Ломоносова, Сумарокова и Хераскова: «Вообще изучение Тредиаковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей, Сумароков и Херасков верно не стоят Тредиаковского» [Пушкин 1936. 5: 366]. Тем не менее заметим, что обоснованная Ломоносовым возможность введения в современную русскую поэзию элементов церковнославянского языка — как особый стилистиче-

ский прием — вполне использованы самим Пушкиным, например, в стихотворении «Пророк».

На первый взгляд жанр высокой одической поэзии, характерной для XVIII в., должен содержать как объект славословия историю и образы героических личностей, знаменательные события, будить гражданские чувства, но никак не описывать природу. Однако аналитическое изучение поэтических текстов показывает обратное.

Функциональное многообразие образов природы в русской поэзии проявило себя уже в творчестве одописцев допушкинской эпохи, оказавших серьезное влияние на развитие пейзажной лирики XIX в. В данной статье мы постараемся показать, какое место образы природы занимали в одической поэзии в эпоху ее расцвета; проанализируем характер восприятия и осмысления самого феномена природного мира у мастеров русской оды: Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, Хвостова.

В 1726 (27?) г. В. К. Тредиаковский пишет стихотворение «Описание грозы, бывшая в Гаге», не называя его одой, но исполнив целиком в стилистической традиции одической поэзии. В этом случае объектом описания стало само по себе явление природы, но не рядовое, а страшное и величественное, что отвечает в принципе высокому торжественному настрою этого рода поэзии:

С одной страны гром,
С другой страны гром,
Смутно в воздухе!
Ужасно в ухе!
Набегли тучи
Воду несучи
Небо закрыли,
В страх помutilи!.. [Тредиаковский 1963: 95].

В последних строфах этого стихотворения автор вводит и прямое обращение к силам природы, стихиям («О солнце красно! Стань опять ясно...; А вы, аквилоны, будьте как и оны...»). Позднее, в 1735 г., Тредиаковский создает уже собственно оду, адресованную природе: «Ода в похвалу цвету розе», где обращается к форме прямого диалога с цветком как объектом одического послания. Тредиаковский в этом

произведении заявляет себя также новатором стиля, предпослав тексту специальное примечание: «Сочинена нарочно новым российским пентаметром для примера».

Красота весны! Роза о прекрасна!
 Всей, о госпожа, румяности власна!
 Тя во всех садах яхонт несравненный,
 Тя из всех цветов цвет предрагоценный,
 О цветов ты всех славную царицу,
 Само цветников солнце, не зарницу!
 Похвалить теперь я хотя и тщуся,
 Но багряну зря и хвалить стыжуся.
 Как природа в свет ты производила,
 Лучшему в тебе быть определила... [Третьяковский 1963: 403].

У Ломоносова обращение к природе носит более «утилитарный» характер. Оба известных ломоносовских «Размышления о Божием величестве», хотя и включают картины природы, но, во-первых, в них важно не столько проникновение в красоту природы, сколько славословие Творца и, во-вторых, проявлен интерес ученого к физическим процессам. В 1753 г. в пояснениях к «Слову о явлениях, от электрической силы происходящих», Ломоносов сообщал: «Ода моя о северном сиянии, которая сочинена 1743 года, а в 1747 году напечатана, содержит мое давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может» [Ломоносов 1952: 123].

Действительно, полностью стихотворение называется «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния»:

Лице свое скрывает день;
 Поля покрыла мрачна ночь;
 Взошла на горы чорна тень;
 Лучи от нас склонились прочь;
 Открылась бездна, звезд полна;
 Звездам числа нет, бездне дна.
 <...>

Для общей славы Божества
Там равна сила естества.
Но где ж, натура, твой закон?
С полных стран встает заря!

Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се холодный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!
О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вы знаете пути планет;
Скажите, что наш ум мятет?
Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?.. [Ломоносов 1959: 120–121].

При небольшом внимании современных читателей к поэзии Ломоносова, позволим заметить, что первые шесть строк приведенного стихотворения широко известны по школьным хрестоматиям и являются собой образец поэзии XVIII в., не потерявший эстетической значимости для широкого читателя до сих пор. Согласно справедливому мнению П. Е. Бухаркина, эта духовная ода «бесспорно принадлежит к самым совершенным сочинениям “Российского Пиндара”, в ней полностью проявился его поэтический гений» [Бухаркин 2006: 39]. В целом же Ломоносов достаточно строго придерживается одического канона в выборе поэтического объекта, адресуясь обычно к членам императорской фамилии по случаям коронаций, тезоименитств, бракосочетаний и т. п.

Интересно мнение М. Л. Гаспарова, заметившего, что «духовные оды тоже были разные, и у Ломоносова держались на пафосе, а у Сумарокова на вразумлении» [Гаспаров 2003: 239]. Сумароков значительно расширяет возможности одического жанра, соединяя его также с духом

анакреонтической поэзии. Адресатами такой поэзии становятся и возлюбленные, и друзья, и, что важно для нашей темы, природа, понимаемая достаточно широко. Сумароков пишет «Гимн о премудрости Божией в солнце» (1760), в котором адресатом выступает главное светило:

Светило гордое, всего питатель мира,
Блистающее к нам с небесной высоты!
О, если бы взыграть могла моя мне лира
Твои достойно красоты! <...>

О солнце, ты — живот и красота природы,
Источник вечности и образ божества!
Тобой жива земля, жив воздух, живы воды,
Душа времен и вещества! <...>

Тобою всякое дыханье ликовствует,
Встречает радостно лицо твое вся тварь,
Пришествие твое вседневно торжествует;
Небесных тел ты — вождь и царь!

Объемля взором всю пространную державу,
Вовеки бодро бдя, не дремля николи,
Великолепствуя, вещаешь Божью славу,
Хваля творца по всей земли [Сумароков 1957: 87–88].

В стихотворении 1760 г. без специального названия, озаглавленном просто «Ода», Сумароков обращается к реке Волге:

Долины, Волга, потопляя,
Себя в стремлении влечешь,
Брега различны окропляя,
Поспешно к устью течешь.

Ток видит твой в пути премены,
Противности и блага цепь;
Проходишь ты луга зелены,
Проходишь и песчану степь.

Век видит наш тому подобно
Различные в пути следы:
То время к радости способно,
Другое нам дает беды.

В Каспийские валы впадаешь,
Преславна мати многих рек,
И тамо в море пропадаешь,
Во вечности и наш так век [Сумароков 1957: 102].

Стихотворение строится на основе аналогии: река, впадающая в бесконечность моря, возбуждает мысль о веке, впадающем в бесконечность времени. По сути дела, перед нами предвестие знаменитой русской философской лирики XIX–XX вв., указанный прием ощутим, например, в стихотворении Ф. И. Тютчева: «Дума за думой, Волна за волной...» (1851).

Обратимся далее к поэзии М. М. Хераскова, в которой Н. И. Либан находил сильное лирическое начало: «Херасков был писатель лирический, и хотя написал много од, в них постоянно звучит приглушенная лирическая нота... Для Хераскова Ломоносов уже был прошедшим. Херасков — лирический поэт, глубокий поэт, овладевший новым стихом» [Либан 2014: 234–235]. В стихотворении «Комета, явившаяся в 1767 году при начале войны с турками» Херасков вслед за Ломоносовым обращается к величественной панораме неба. Строка «Открылась смесь несчастливых звезд» интертекстуально оказывается связана с ломоносовской строкой «Открылась бездна звезд полна»:

Великое число светил
Творец вселенныя вместил
Безмерной высоты в пространстве:
Когда возводим очеса
При лунном свете в небеса,
Мы видим их в златом убранстве.
В широком поле горних мест
Открылась смесь несчетных звезд;
Погружены в пучине вечной,
Иные видимы в ночи,

Как будто солнечны лучи,
Рекой другие зрятя млечной... [Херасков 1961: 134].

Однако смысл произведения не сводится к любованию и восхищению природой, оно служит прелюдией к размышлению о комете, которая видится автору мечом Божиим, готовым обрушиться на врагов России, иноверцев:

Не мир подвигся Бог зажечь,
Но, огненный иссунув меч,
Ко грешникам речет в комете:
«Я мрачны ваши зрю сердца;
О тварь! не раздражай творца,
Коль хочешь жить еще на свете»... [Херасков 1961: 135].

Примером природной лирики у Хераскова может быть стихотворение 1783 г. «Апрель»:

Дыханьем нежным побежденны,
Седые мразы прочь летят;
От плена их освобожденны,
Потоки вод в брегах шумят.
Полям и рощам обрученна,
Восходит на горы весна,
Зеленой ризой облеченна,
Умильный кажет взор она.
Уготовля царство лету,
Приближилось солнце к нам,
Прибавило дневного свету
И жизни хладным сим странам... [Херасков 1961: 136].

Лирический герой стихотворения долго любитя пробуждающей-ся природой, но затем вдруг приходит к несколько даже неожиданной моралистической концовке:

<...> только мы забыли,
Чем прежних жизнь людей сладка;

Увы! они невинны были;
Невинность в наши дни редка.
Друг другу мы напоминаем
Желаний наших главну цель;
Апрель обманом начинаем,
Едва ль не весь наш век — апрель [Херасков 1961: 137].

Интересным примером одической поэзии на тему природы является хорошо известная ода Державина «Водопад», над которой автор работал несколько лет, начиная с 1891 г. Считается, что Державин описывает водопад Кивач на реке Суне в Карелии. Начало оды рисует величественную картину этого явления природы:

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.
Шумит, и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся... [Державин 1817: 180].

Однако далее, следуя традиции одической поэзии, Державин переходит к размышлениям о великих делах российских героев, прославленных в завоевании южнорусских земель: Г. А. Потемкина, П. А. Румянцева-Задунайского. Ода полна иносказаний и допускает различные толкования. Чаще всего в самом образе водопада ищут отражение природы и деяний прямо и перифрастически упоминаемого в тексте Потемкина (в собрании сочинений Державина, вышедшем с 1864 по 1883 гг. с примечаниями Я. Грота, ода в оглавлении прямо обозначена с подзаголовком «Памяти Потемкина») — в образе старца, созерцающего водопад как образ жизни человеческой:

Я вижу — некий муж седой
Склонился на руку glavой.
Копье и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной,
Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человекoв нам
Сей водопад изображает?
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.
Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость? [Державин 1817: 181–182].

В 1822 г. Н. Ф. Остолопов, знавший Державина по совместной работе в журнале «Любитель словесности», опубликовал «Ключ к сочинениям Державина с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта» [Остолопов, 1822] — научный комментарий, который создавался как новый и необходимый русской литературе жанр. В нем Остолопов расшифровывает для читателей-потомков символический и образный строй «Водопада», пользуясь комментариями самого Державина. Уже тогда было очевидно, что без подобного комментария полноценное восприятие стихотворения в принципе невозможно.

Ода «Водопад» еще в большей мере, чем «Апрель» Хераскова, может быть отнесена к философской лирике. В «Литературных мечтаниях» (1834) В. Г. Белинский отметил эстетический заряд державинской оды: «Какой энергической и дикою красотой дышит его (Державина. — А. С.) “Водопад”: Это песнь угрюмого севера, пропеваемая сребровласым скальдом во глубине священного леса, среди мрачной ночи, у пылающего дуба, зажженного молнией, при оглушаю-

щем реве водопада» [Белинский 1948. 1: 36]. Однако позднее, в статье 1843 г. «Сочинения Державина», подвергнув оду подробному анализу, Белинский приходит к выводу о том, что бесконечные рассуждения и философствования автора скрадывают главное — картину природы. Рациональное убивает поэтическое. Белинский считает, что «все эти 186 стихов можно выкинуть, и ода ничего не проиграет, напротив, многого выиграет: в ней будет меньше риторики и больше поэзии» [Белинский 1948. 2: 493].

Поэзия графа Дм. И. Хвостова во многом была наполнена приемами уходящего XVIII в., однако при этом поэт оказался современником Пушкина (скончался Хвостов в 1835 г.). И. Ю. Виноцкий, рассуждая о литературной борьбе И. И. Дмитриева и Д. И. Хвостова за литературную репутацию «истинного поэта», пишет: «Дмитриев победил. Однако литературное поражение Хвостова не привело к его забвению. Напротив, <...> оно привело к рождению нового культурного персонажа в русской поэзии – создателя нелепого, но по-своему эстетического мира» [Виноцкий 2016: 183]. Так Хвостов воспринимался и в пушкинское время, своеобразное положение его в русской поэзии вызвало определенный интерес к нему у современных исследователей.

Рассмотрим достаточно знаковую для творчества Хвостова оду «Реке Кубре» (1806) (как и у Сумарокова, эта ода обращена к реке). В отличие от сумароковской оды Волге, не величие главной российской реки и не аналогии с историческим временем волнуют автора, а ностальгия по местам, где находилось родовое имение Хвостовых — Выползова Слободка — и где прошли частью юные, частью зрелые годы графа Хвостова. Ода Хвостова носит куда более интимный лирический характер. Если для Сумарокова образ Волги — это повод для философских размышлений, то для Хвостова река — символ малой родины, некий знак в его личной знаковой системе, вобравший в себя и усадьбу, и окрестные поля, и всю атмосферу маленького уголка Залесского ополья. Волга — главная река России, она принадлежит всем, она символ всей России. Кубра (тж. Кубря, Кубрь) — речка маленькая, мало кому известная и сегодня, протекающая, петляя у границ московских, ярославских и владимирских земель.

И. Ю. Виноцкий подметил, что «в своем творчестве Дмитрий Иванович стремился сделать Слободку соперницей державинской Зван-

ки... (с Гаврилой Романовичем Дмитрий Иванович упорно, но, увы, безуспешно состязался)» [Виницкий, 2016: 55]. Кубра «вспоила» автора, дала ему все то хорошее, что в нем есть, и поэтому ода начинается с благодарения:

Кубра! Ты первая поила
 Меня Пермесскою водой;
 Ты душу юну возбудила
 Прельщаться Греков простотой.
 Я на твоём берегу высоком
 Всегда спокойным сердцем, оком
 Ловил природы красоты;
 Не знал кумиров зла, ни мести,
 Не зрел рабов коварства, лести,
 И собирать хотел цветы [Хвостов 1828: 167].

Очевидно, что уже здесь прослеживается столь важная для всей русской литературы XIX и XX вв. роль природы как источника поэтического вдохновения, далее ощутимая в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. А. Фета, Б. Л. Пастернака. Аллюзия, связанная с перенесением образа вод Пермесса, поивших муз, на Кубру — не просто столь любимый в классицизме «реверанс» античности, но выражение благодарности уголку родины, впервые возбудившему поэтическое вдохновение в авторе.

Попробуем выяснить, что еще дает одическая форма Хвостову, который, казалось бы, должен был распрощаться с этим жанром, совершая поворот от размышлений о высоких гражданских и космических материях к миру своей души. Отметим диалогичность — особенность одической поэзии, которая сохранит себя и далее, проявляясь в беседе авторов и лирических героев с миром природы. В литературе XX в. диалог с природой получит особенное развитие в творчестве М. М. Пришвина, все творчество которого выросло из записных книжек, наполненных диалогами с природой. Кстати, хвостовская и пришвинская творческие биографии пересеклись на Кубре. Случилось так, что именно Пришвин оказался тем писателем, который воспел Кубрь вслед за Хвостовым, совершив в 1925 г. водное путешествие по Нерли и Кубре: «Кубря — прозрачная, глубоководная, со своими ви-

димыми с берега чудесными подводными лесами, со своими широкими заводями — прекрасна, такой прекрасной реки я в жизни своей не видал <...> Я переполнен счастьем, мне хочется открыть всем глаза на возможности для человека жить прекрасно, дышать таким солнечно-морозным воздухом, смотреть и слушать лилии, угадывать их музыке <...>. Эти лилии мне говорят теперь, что творчество есть расширение Настоящего до Будущего: настоящее становится так широко, что захватывает в себя и все будущее» [Пришвин 1983: 53].

В оде «Реке Кубре» как один из основных композиционных приемов используется антитеза Кубра — Нева. Само по себе это примечательно не только потому, что Нева — река столичная и стяжавшая в отечественной классицистической поэзии дифирамбов едва ли не больше всех остальных рек, но потому, что, как замечает А. Е. Махов, «Хвостов географически двойственный поэт. Жизнь его делилась между Петербургом и Переславлем с его Выползовой слободкой, между Невой и Куброй... Он гордился, что был певцом двух рек» [Махов 1999: 15]. При обращении к образу Петербурга (третья строфа) используется прием перифразы:

Я от струи твоей прозрачной
Приятных и спокойных вод
В предел я поселился мрачный,
В превратный пояс непогод... [Хвостов 1828: 168].

Причем «предел мрачный», как явствует из дальнейшего текста, относится не только к нездоровому климату Петербурга, но к обстановке петербургской жизни. Прослеживается параллелизм: природное соответствует социальному и духовному.

В первом четырехтомном издании сочинений Хвостова 1817 г. строчка «Где светлый жезл куют морозы» (метафорический образ сосульки) была представлена как «Где светлу цепь куют морозы» [Хвостов 1817: 47]. На наш взгляд, и в плане образном, и в композиционном второй вариант стиха удачнее: «Жезл» нам кажется куда выразительнее и уместнее, к тому же размер тогда не требует столь утомляющей своим избытком у классицистов усеченной формы прилагательного «светлу» вместо «светлый». Впрочем, сама по себе эта вторая строфа в варианте первого издания Полного собрания

стихотворений графа Хвостова (1817–1818) местами может показаться более изящной, это дело вкуса. Ниже в левой колонке приводим вариант первого, четырехтомного издания Собрания стихотворений [Хвостов 1817: 47], а в правой колонке — вариант строфы из третьего, восьмитомного издания [Хвостов 1828: 168], воспроизведенного уже в наше время в «Библиотеке поэта» [Поэты 1971: 435–437]:

1817	1828
Я от струи твоей прозрачной Приятных и спокойных вод В предел переселился мрачной, В превратно царство непогод, Где светлу цепь куют морозы, Где век дышать не могут розы И где владетель злой — Борей Крыле шумящи простирает, Далече волны посылает, Губит богатый злак полей.	Кубры оставя ток прозрачный Приятных и спокойных вод, В предел я поселился мрачный, В превратный пояс непогод, Где светлый жезл куют морозы, Весной дышать не могут розы, И где сердитый царь Борей, Неистовым свирепством полный, Далече посылает волны Губить богатый злак полей.

Четвертая строфа содержит весьма уместную в данном контексте метафору «ложе реки»: с ложа начинается и на ложе завершается жизнь человека, но река течет непрерывно и переводит смысл в образ вечного движения жизни. Кубра выступает как Родина-мать: родство с местом подчеркивается упоминаниями о могилах матери и отца на малой родине: «Где те, что мне всего дороже...» [Хвостов 1828: 169]. Эта строчка снабжена примечанием самого автора, говорящего о себе в третьем лице: «Сей стих, относящийся к пребыванию в селе Слободке почтенных родителей автора, где при церкви по смерти покоится их прах, неоднократно был повторяем в его стихах. См. Дамский журнал 1827 года № 14, где между прочим, при разборе пятого тома нашего автора, сказано о сем стихе: “Священный памятник бытия его — прах родительский”» [Хвостов 1828: 300].

Приведем эту строфу в варианте первого издания (левая колонка) [Хвостов 1817: 49] и третьего издания (правая колонка) [Хвостов 1828: 169]:

1817	1828
Кубра, вийсь кольцом и ныне, Спешит мои березки мыть, Течет торжественно в долине. Зачем не суждено век жить Мне там, Кубра, твое где ложе, Где те, что мне всего дороже, Где я без желчи воду пил, В восторге радостном и мире Играл среди весны на лире, И сладость бытия вкусил.	Твои струи кольцом и ныне Спешат мои березки мыть, Текут в приятнейшей долине. Зачем не суждено век жить Мне там, Кубра! твое где ложе, Где те, что мне всего дороже Где я без желчи воду пил? В восторгах радости и мире Весенни дни играл на лире И сладость бытия вкусил.

С печалью поверяет лирический герой Хвостова своей родной реке, что променял он ее берега, где прежде «без желчи воду пил», на берега Невы и мрачный мир Петербурга. Метафора вызывает в сознании читателя представление о желчной атмосфере петербургского света, атмосфере вечных насмешек в адрес Хвостова от собратьев по перу, не желающих понять особенностей его художественного видения мира. «Неправ был Д. В. Дашков, — пишет А. Е. Махов, — когда в своей издательской речи при приеме Хвостова в Общество любителей словесности, наук и художеств в 1812 г., помянув “зубастых голубей”, заявил, что Хвостов “творит новый мир, новую природу” — Хвостов не творил новую природу, но приводил в порядок имеющуюся» [Махов 1999: 12].

Последняя строфа «Оды к реке Кубре» исполнена изящно с точки зрения риторической диспозиции. Используется фигура аналогии: течение жизни автора уподоблено течению реки. Эта строфа венчает сам текст, подводя итог и жизни Хвостова, и его отношениям с малой родиной. Перед нами снова обращение, адресованное непосредственно к Кубре, а последняя строка, наиболее значимая, содержит завещание поэта:

Пускай Кубры прозрачной воды
Мне в сердце радости вольют;
И лет моих преклонны годы
Без огорчений потекут.
Она мила между реками,
Приятно щедрыми судьбами

я совершаю срок годов.
Я начал здесь играть на лире,
Засну, оконча песнь Темире,
При шуме от ея валов [Хвостов 1828: 171].

В редакции собрания сочинений 1817 г. эта строфа звучала иначе:

Пускай твои спокойны воды
Мне в сердце радости прольют;
Пускай мои оставши годы
Тебе подобно потекут!
Как ты в реках мила, незнатна,
Так ныне жизнь моя приятна
Склоняет к западу свой путь.
Здесь начал я играть на лире,
Здесь кончу поздну песнь Темире,
Здесь должен мирно я уснуть [Хвостов 1817: 50].

Проанализированные примеры позволяют говорить о целом ряде намеченных в XVIII столетии функциональных особенностей образов природы. Это параллелизм, аналогии, когда созерцание картин природы становится импульсом к размышлению о человеке, о социально-психологических явлениях, синестетически, метафорически связанных с явлениями природы в сознании поэта. Это любование природой как творением Бога, которому по определению присуща внутренняя гармония. Это природа как фон, на котором призваны разворачиваться исторические события. И наконец, у Хвостова — природа как источник ностальгии, как объяснение в любви с Родиной. У Хвостова, творившего уже в XIX в., при всем несовершенстве художественной формы, образы природы становятся все более значимыми и самоценными, они призваны возбуждать не только мысль, но и чувства.

Природная тематика, как мы убедились, переплетена с размышлениями о философских вопросах, о вечности, о душе, и, конечно, о жизни и смерти. «Уже к середине XVIII века смерть сделалась одной из ведущих литературных тем», — заметил Ю. М. Лотман [Лотман 1994: 212–213], анализируя русскую культуру той эпохи. И все это, природ-

ное и духовное, объединяется образом Творца, тем самым как бы восстанавливает всеобщую гармонию мира через поэзию.

Подытоживая краткий анализ функциональных особенностей образов природы в одической поэзии XVIII — начала XIX вв., сделаем следующие выводы. Удивление перед природой как Божьим творением, особенно в величественных картинах грозы, водопада, в нерукотворной красоте, отражает религиозный характер сознания, проявляющийся в восхищении, в ощущении величия Бога, явленного в силах природы. Так, в приведенных выше строках Третьяковского грозные тучи, закрывшие небо, способны «помутить» человека в страх. Сумароков, принося благодарение Творцу за дарованное людям светило, при этом в самом солнце видит «образ божества».

Созерцание величественных явлений, как у Ломоносова перед картиной звездного неба, рождает эстетическое наслаждение и в то же время обращает мысль к бесконечности Вселенной, как это происходит в «Комете» Хераскова. У Хераскова к тому же проявляется ощущение мистической связи явлений природы с миром человеческих дел, когда комета осмысливается как знак неблаговоления Божьего к врагам России. От величия водопада к величию деяний российских героев на поле брани органично перетекает мысль Державина.

Поэзия XVIII в. так или иначе демонстрирует ассоциативную связь мира природы и мира человека, параллелизм и определенную взаимосвязь явлений материальной и духовной жизни. В этом отношении она наследует фольклору и в то же время готовит почву для философской лирики XIX в. Природа вдохновляет поэтов на философские размышления о человеке и мире, когда бесконечное движение воды становится метафорой течения лет, течения жизни человеческой. Но дело не только в явлениях, призванных потрясать воображение: гармония природы вызывает у поэтов желание просто любоваться красотой, делаясь этим чувством с читателем, как это происходит в «Оде в похвалу цветку розе» у Третьяковского, в стихотворении «Апрель» Хераскова. У Хераскова, впрочем, такое любование пробуждающейся весенней природой в заключительной части стихотворения наводит на мораль: весна жизни человеческой хороша, но не вечна. У Хвостова образ реки обретает более сложный характер символа Родины, органичной гармонии сельской жизни, противопоставленной урбанизированной столице. В то же время он выражает и ностальгию по прошлому. Образ

родной природы, возбуждающей воспоминания о детстве, юности, о корнях, получит дальнейшее развитие в литературе XIX в.

Источники

Державин Г. Р. Лирические произведения Державина или Избранные его стихотворения. М.: Университ. тип., 1817. 385 с.

Ломоносов М. В. Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. С. 120–123.

Ломоносов М. В. Orationis de meteoris electricis explanationes. Изъяснения, надлежащие к слову о электрических воздушных явлениях // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 3. С. 101–134.

Поэты 1790–1810-х гг. / вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотман. подгот. текста М. Г. Альтшуллер. Л.: Сов. писатель, 1971. 912 с.

Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1983. 439 с.

Пушкин А. С. К Жуковскому // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. / под ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 159–162.

Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. / под ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 5. С. 356–378.

Сумароков А. П. Долины, Волга, потопля // *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 87–88.

Сумароков А. П. Гимн о премудрости Божией в солнце // *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 87–88

Тредиаковский В. К. Ода в похвалу цветку розе // *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 403–404.

Тредиаковский В. К. Описание грозы, бывшая в Гаге // *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 95–96.

Хвостов Д. И. Сочинения / сост. О. Л. Довгий, А. Е. Махов. М.: INTRADA, 1999. 224 с.

Хвостов Д. И. Реке Кубре // Полное собрание стихотворений графа Хвостова: в 4-х ч. СПб.: В тип. Императорского Воспитательного дома, 1817. Ч. 1. С. 46–50.

Хвостов Д. И. Реке Кубре // Полное собрание стихотворений графа Хвостова: в 8 кн. СПб.: [б.и.], 1828. Кн. 1: Лирические стихотворения. С. 167–171.

Херасков М. М. Апрель // *Херасков М. М.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 136–137

Херасков М. М. Комета, явившаяся в 1767 году при начале войны с турками // *Херасков М. М.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 134–136.

Исследования

Белинский В. Г. Собр. соч.: в 3 т. М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1948.

Бухаркин П. Е. Риторическое смыслообразование в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния» М. В. Ломоносова.

Между однозначностью логики и полисемией языка // XVIII век. СПб.: Наука, 2006. Сб. 24. С. 35–56.

Виницкий И. Ю. Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: НЛО, 2016. 353 с.

Гаспаров М. Л. Стиль Ломоносова и стиль Сумарокова — некоторые коррективы // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 (59). С. 235–243.

Либан Н. И. Русская литература: Лекции-очерки. М.: Прогресс-Плеяда, 2014. 584 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб: Искусство-СПб, 1994. 399 с.

Махов А. Е. Это веселое имя Хвостов // Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения / сост. О. Л. Довгий, А. Е. Махов. М.: INTRADA, 1999. 224 с.

Остолопов Н. Ф. Ключ к сочинениям Державина, с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1822. 95 с.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 23–121.

References

- Belinskii, V. G. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols.]. Moscow, OGIZ GIHL Publ., 1948. (In Russ.)
- Bukharkin, P. E. “Ritoricheskoe smysloobrazovanie v ‘Vechernem razmyshlenii o Bozhiem velichestve pri sluchae velikogo severnogo siianiia’ M. V. Lomonosova. Mezhdudnoznachnost’iu logiki i polisemiey iazyka” [“Rhetorical Sense-making in ‘Evening Meditation on the Majesty of God on the Occasion of the Great Northern Lights’ by M. V. Lomonosov. Between Unambiguity of Logic and Polysemy of Language”]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 24. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 35–56 (In Russ.)
- Vinitiskii, I. Ju. *Graf Sardinskii: Dmitrii Hvostov i russkaia kul’tura* [Count of Sardinia: Dmitry Khvostov and Russian Culture]. Moscow, NLO Publ., 2016. 353 p. (In Russ.)
- Gasparov, M. L. “Stil’ Lomonosova i stil’ Sumarokova — nekotorye korrektyvy” [“Style of Lomonosov and Style of Sumarokov — Some Corrections”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (59), 2003, pp. 235–243 (In Russ.)
- Liban, N. I. *Russkaia literatura: Lektsii-ocherki* [Russian Literature. Lectures-Essays]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2014. 584 p. (In Russ.)
- Lotman, Iu. M. *Besedy o russkoi kul’ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th — Early 19th Century)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1994. 399 p. (In Russ.)
- Makhov, A. E. “Eto veseloe imia Hvostov” [“This Funny Name Khvostov”]. *Graf Dmitrii Ivanovich Hvostov. Sochineniia* [Count Dmitry Ivanovich Khvostov. Works]. Moscow, INTRADA Publ., 1999. 224 p. (In Russ.)
- Ostolopov, N. F. *Kliuch k sochineniiam Derzhavina, s kratkim opisaniem zhizni sego znamenitogo poeta* [A Key to Derzhavin’s Works, with a Brief Life Description of the Famous Poet]. St. Petersburg, Tipografia I. Glazunova Publ., 1822. 95 p. (In Russ.)
- Tynyanov, Yu. N. “Arkhaisty i Pushkin” [“Archaists and Pushkin”]. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and His Contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 23–121. (In Russ.)